

Майя Ровина

Карты, которые я не умела читать

18+

Майя Ровина

Карты, которые я не умела читать

<https://litres.ru/74521607>

SelfPub; 2026

Аннотация

В двадцать четыре Майя остаётся одна с квартирой после ссоры с соседкой и находит среди её коробок старую колоду Таро. Сначала карты кажутся способом занять тревогу — пока несколько раскладов не начинают слишком хорошо совпадать с тем, что происходит у неё и у людей, которые приходят за ответами.

Майя учится отделять факт от догадки, но чем точнее выглядят её интерпретации, тем легче чужая тревога превращается в решение. Ошибка, сделанная из уверенности, возвращает ей главный вопрос: карты действительно что-то показывают — или человек сам выбирает из неопределённости историю, которой готов поверить?

«Карты, которые я не умела читать» — психологический роман о любви, расставаниях, самообмане и цене готового ответа, когда ни карты, ни знания не могут решить за тебя, что делать дальше.

Содержание

Глава 1. Коробки Леры	4
Глава 2. Три карты	21
Глава 3. Не другая женщина	40
Глава 4. Когда человек уже уехал	60
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Майя Ровина

Карты, которые я не умела читать

Глава 1. Коробки Леры

После Леры в квартире осталось три коробки, один кактус и долг, который почему-то выглядел гораздо убедительнее, чем все наши последние разговоры. Кактус стоял на подоконнике в её комнате. Коробки — вдоль стены. Долг был у меня в телефоне: несколько переводов, которые она обещала сделать «в пятницу», потом «после аванса», потом «как только мама пришлёт». Мама, судя по всему, не прислала. Или прислала, но не мне.

Я сидела на полу посреди пустой комнаты и смотрела на светлый прямоугольник на обоях, где раньше стоял Лерин шкаф. Когда человек съезжает быстро, квартира не становится пустой сразу. Сначала она становится разобранной. Тут нет стула. Там нет вешалки. На кухне внезапно вдвое меньше кружек, зато в ванной остаются чужие резинки для волос, одноразовый станок и почти полный флакон шампуня, который ты почему-то не решаешься выбросить.

Мы разругались из-за денег. Это звучит скучнее, чем бы-

ло.

— Я тебе верну, — сказала Лера.

— Ты это говоришь третий месяц.

— Потому что третий месяц собираюсь вернуть. Это не значит, что я не верну.

— Логика безупречная.

Она тогда посмотрела на меня так, будто именно за эту фразу я должна была оплачивать её часть квартиры до конца жизни.

Мне было двадцать четыре. Я только получила психологическое образование и работала младшим координатором в небольшой фирме, где людей оценивали для других фирм. В моих обязанностях было собирать анкеты, сводить ответы, назначать собеседования, печатать для старших коллег толстые папки и не путать кандидатов с одинаковыми фамилиями. Работа была не ужасная. Зарплата тоже не была ужасной. Просто в ней не предусматривалось, что однажды ты начнёшь платить за двоих.

В тот месяц я впервые начала носить на работу свой обед. Не из новой системы правильного питания — просто кафе внизу неожиданно превратилось из привычки в статью расходов. Я заворачивала гречку с курицей в контейнер, который протекал в сумке, и ехала через пол-Москвы, думая, что взрослая жизнь почему-то всё время требует маленьких унижительных расчётов. Купить кофе или пополнить транспортную карту. Вызвать машину или идти под дождём. Сказать

хозяйке правду про Леру или сделать вид, что новая соседка уже почти найдена.

Особенно смешно было то, что на работе я помогала старшим коллегам писать заключения про надёжность, мотивацию и способность людей планировать. Вечером возвращалась домой к человеку, который третий месяц обещал перевести деньги «в пятницу». Психологическое образование к этому тоже не готовило.

Хотя, если верить некоторым преподавателям, должно было хотя бы помочь мне понять Леру.

Я понимала. Она не была ни злой, ни особенно безответственной. Ей просто всегда казалось, что деньги следующего месяца каким-то образом исправят деньги предыдущего. Она покупала сапоги перед оплатой коммунальных услуг, потому что сапоги были со скидкой. Могла одолжить подруге последние две тысячи, а потом попросить у меня на продукты. В её системе мира это не было противоречием: в каждом отдельном эпизоде существовала уважительная причина.

Мне от понимания было не легче. В тот вечер у меня на карте оставалась сумма, которую я уже мысленно разделила на еду, проезд и обязательные платежи. Ещё утром она казалась терпимой. После разговора с хозяйкой квартиры — маленькой. Хозяйка не кричала, и от этого становилось хуже.

— Майя, я понимаю вашу ситуацию, — сказала она. — Но квартира сдаётся целиком.

Я тоже понимала её ситуацию. В нашей истории вообще

все всё понимали, кроме того, откуда должны взяться деньги. Я написала двум знакомым, не ищет ли кто комнату. Потом открыла объявление, которое мы когда-то размещали вместе с Лерой, и долго смотрела на фотографию кухни. На ней ещё стояла её красная турка и висело полотенце с лимонами. Квартира выглядела так, будто здесь жили две разумные девушки с одинаковыми представлениями о порядке и финансовой дисциплине.

Я закрыла объявление.

Накануне вечером всё выглядело менее литературно. Лера запихивала вещи в большой чемодан, сидя на нём коленями, потому что молния не сходилась. Я стояла в дверях и держала в руке её расчёт коммунальных платежей, который составила сама. Ошибка начиналась уже с реквизита: нельзя выяснять отношения с человеком, держа таблицу.

— Ты вообще понимаешь, как это выглядит? — спросила Лера.

Я опустила глаза на расчёт коммунальных у себя в руке.

— Как сумма.

Лера выпрямилась.

— Я не про цифры, Май. С тобой как будто всё время сидишь на собеседовании: кто кому что должен, кто что сказал, почему сказал. Можно просто быть человеком?

— На работе мне хотя бы платят за то, что я считаю чужие цифры.

Это меня задело сильнее долга, поэтому я ответила то, что

обычно говорят люди, когда хотят доказать, что умеют быть людьми:

— Быть человеком не значит жить за мой счёт.

После этого разговор уже не имел шансов. Лера плакала минут пять, потом перестала, потом накрасила губы перед выходом. Это тоже было очень в её характере и очень раздражало меня именно потому, что я знала: она красит губы не для эффекта, а чтобы собрать лицо обратно. В хорошие времена я даже любила в ней эту способность. В плохие она казалась мне театром.

Она вызвала машину, утащила чемодан в коридор и вернулась за бежевым пальто.

— Я переведу, — сказала она уже от двери.

— Когда?

Она уже просовывала руку в рукав бежевого пальто.

— Когда смогу.

— Это не дата.

— Господи, Майя.

Она хлопнула дверью не особенно сильно. В моей памяти позже этот хлопок стал громче. Память вообще любит работать звукорежиссёром, особенно когда ей заранее известно, что сцена важная. Я тогда этого не знала. Я знала только, что стою в прихожей босиком, на линолеуме валяется один её серебристый носок, а за стеной сосед сверху снова сверлит что-то в девять вечера.

Носок я подняла и бросила в одну из коробок. Всё, что

произошло дальше, много лет хотелось начинать именно с колоды. Так история выглядела аккуратнее: одна вещь вошла в жизнь и что-то изменила. Но если быть точной, сначала в мою жизнь вошла необходимость срочно найти соседку, которая будет вовремя платить за комнату.

Колода просто лежала под этим. Из комнаты Леры пахло пылью и её духами. Не самими духами даже, а одеждой, которая долго висела в шкафу рядом с ними. Она забрала почти всё нужное: одежду, ноутбук, косметику, зарядки. Остальное, видимо, в момент побега потеряло статус собственности.

Я написала:

«У тебя здесь три коробки и кактус». Ответ пришёл через десять минут. «Коробки потом. Кактус можешь оставить». Я посмотрела на кактус.

— Поздравляю, — сказала я ему. — У тебя теперь проблемы с жильём.

У меня была дурная привычка разговаривать с предметами, когда рядом никого не было. В двадцать четыре года я считала её доказательством самостоятельной жизни. Позже я поняла, что самостоятельная жизнь вообще состоит из большого количества разговоров, свидетелем которых лучше никому не быть.

Первую коробку я открыла из практических соображений. Лера могла оставить документы, лекарства, что-нибудь действительно нужное. Тогда пришлось бы звонить ей и до-

говариваться, когда она заберёт. Сверху лежали два старых журнала, фен без насадки, жёлтый шарф, который я видела на ней один раз, и пачка свечей. Под ними — косметичка с засохшей тушью, зарядка от неизвестного устройства, стеклянный подсвечник и книга про то, как за тридцать дней изменить свою жизнь.

Я пролистала её.

На девятнадцатый день предлагалось избавиться от всего лишнего.

— Лера, — сказала я в пустую комнату. — Ты справилась за один.

Книга полетела в пакет для мусора. Во второй коробке обнаружили чашка без ручки, какие-то распечатки с курсов английского, связка бижутерии, пакет морских ракушек, лак для ногтей и ещё одна свеча. Лера проходила увлечения сезонами. Весной она пекла хлеб. Летом учила испанский. Осенью решила, что ей нужен «более женский дом», после чего в квартире появилось столько свечей, что мы могли пережить небольшую энергетическую катастрофу.

Зимой, насколько я помнила, была эзотерика. Я вспомнила это только у третьей коробки. Она была тяжелее двух первых и заклеена крест-накрест прозрачным скотчем. Я порезала его кухонными ножницами и сразу увидела сверху тёмно-фиолетовый мешочек с выцветшим золотым шнурком.

Под ним лежали распечатанные гороскопы, тонкая книжка про лунные дни, ароматические палочки, которые Лера

однажды зажгла на кухне и чуть не поссорила нас раньше срока, и маленькая коробка с картами. На крышке было написано «Таро». Не «книга судьбы», не «послание Вселенной», не что-нибудь ещё, что могло бы оправдать дальнейшие события. Просто «Таро» — на картонной коробочке с потёртыми углами и жирным пятном сбоку, будто на неё когда-то поставили чашку.

Я достала колоду.

Карты были тяжёлые, гладкие от рук и чуть тёплые после комнаты — хотя, конечно, это я сейчас помню их тёплыми. В тот вечер я прежде всего подумала, что коробка неприятно липкая. Я пересчитала карты не потому, что знала, сколько их должно быть, а потому, что после Леры мне хотелось считать всё.

Деньги. Коробки. Дни до зарплаты. Людей, которым можно написать насчёт комнаты. Карты я тоже решила посчитать. На шестнадцатой мне надоело. Я перелистала несколько карт, как чужие фотографии. Башня с падающими людьми. Женщина рядом со львом. Человек, повешенный вниз головой. Какая-то фигура среди кубков. Изображения были одновременно глупыми и неприятно выразительными: слишком театральными, чтобы воспринимать их серьёзно, и слишком подробными, чтобы сразу бросить обратно.

Я нашла карту с Луной. На ней две башни, собака, волк и что-то ракообразное выбиралось из воды на дорогу.

— Ну да, — сказала я. — Именно так и выглядит взрослая

жизнь.

Телефон на полу завибрировал. Я подумала, что это Лера наконец написала про деньги. Но это был Антон. Я положила Луну поверх колоды и взяла телефон.

— Ты жива? — спросил Антон.

В его голосе была та обычная смесь насмешки и заботы, которая за полтора года успела стать для меня чем-то вроде домашней мебели. Я могла злиться на него, скучать по нему, не хотеть разговаривать, но узнавать этот тон всё равно было приятно.

— Зависит от определения.

— Я звоню человеку с психологическим образованием. У тебя должны быть определения.

— Тогда нет. Финансово я умерла.

— Лера?

— Ушла с чемоданом, пальто и моей верой в совместную аренду.

Он выдохнул так, будто услышал подтверждение диагноза, который давно подозревал.

— Деньги вернула?

— Не порть хороший разговор.

Антон помолчал.

— Ты ела?

Это был один из его способов заботиться. Не «как ты себя чувствуешь», не «давай обсудим», а вопросы, которые можно было решить руками: ела ли я, есть ли дома лампоч-

ка, нужно ли забрать посылку, почему у меня опять сломан кран. Когда мы только начали встречаться, мне казалось, что он уходит от чувств в бытовые задачи. Потом я поняла, что часть чувств у него именно так и выглядела.

— Нашла макароны. Собиралась сварить.

— То есть не ела.

— Следователь Горин, у вас ещё вопросы?

— Есть. Соус покупать?

Я улыбнулась.

— Ты приедешь?

— Минут через сорок. Может, через час. Я на другом конце города.

— Не надо. Поздно уже.

— Майя, соус какой?

Через пятьдесят минут он пришёл с пакетом из магазина, в котором кроме соуса были помидоры, сыр, хлеб, две бутылки воды, упаковка курицы и шоколадка. Я сказала, что это выглядит как гуманитарная помощь государству с разрушенной экономикой.

— Государство может вернуть шоколадку, — сказал он.

— Государство готово к переговорам.

Он снял куртку, поцеловал меня в висок и сразу пошёл на кухню, будто жил здесь. На самом деле Антон у меня не жил. У него была своя съёмная квартира, ближе к работе, и зубная щётка у меня появилась только потому, что однажды он купил две по акции и одну оставил. Мы не обсуждали сов-

местную жизнь всерьёз, но за полтора года накопили множество маленьких вещей, которые выглядели как черновик будущего: его зарядка в моём ящике, моя футболка у него, привычка заранее писать, кто что купит к ужину.

Именно поэтому Лерино исчезновение так меня раздражало. Оно внезапно показало, насколько хрупкими бывают конструкции, которые кажутся постоянными просто потому, что держатся уже долго. Антон заглянул в её комнату.

— Ничего себе. Прямо совсем?

— Прямо совсем.

Он посмотрел на три коробки.

— Это всё её?

— И кактус.

— Кактус тоже должен денег?

— Пока нет. Но я за ним слежу.

Антон присел рядом с коробками, вытащил сверху книгу про лунные дни и посмотрел на меня.

— Вы делили квартиру или секретный женский культ?

— Культ распался из-за задолженности по аренде.

Он засмеялся, и от этого квартира на несколько минут снова стала нормальной. Я пошла ставить воду для макарон. Он остался в комнате, перебирая верхний слой коробки без особого любопытства, скорее чтобы помочь мне решить, что убрать. Потом пришёл на кухню с колодой в руке.

— Это твоё?

— Уже не знаю. Лера оставила, сказала: коробки потом.

Он провёл большим пальцем по потёртому краю коробочки.

— Таро.

— Ты умеешь?

— Конечно.

Я молча забрала у него карты.

— Очень смешно.

— Я знаю только, что там есть смерть.

— Там ещё есть человек, которого подвесили вниз головой.

— Вот видишь. Полезная система. Сразу готовит к взрослой жизни.

Я убрала колоду от него.

— Я уже это сказала про Луну.

Антон посмотрел на меня.

— У тебя был разговор с картой?

— Не ревнуй.

Он снова засмеялся и полез открывать упаковку курицы. В тот вечер я особенно хорошо помню его руки. Не потому, что с ними произошло что-то важное. Наоборот. Он резал помидоры, ругался на тупой нож, потом нашёл другой, пробовал соус прямо с ложки. Это была самая обыкновенная близость — та, которую почти никогда не замечаешь, пока не начинаешь пересматривать прошлое.

Если бы в тот вечер Антон был холоден, если бы избегал меня, сидел в телефоне или смотрел на часы, дальнейшую

историю можно было бы рассказать проще. Но он был тёплым. Нормальным. Моим. Он спросил, сколько Лера должна. Я назвала сумму.

— Могу одолжить до зарплаты.

— Правда не надо, Антон.

Он не стал спорить.

— Хорошо. Если передумаешь — скажи.

Он не стал настаивать, и я была ему за это благодарна. Я не хотела брать у мужчины деньги вместо денег другой женщины. В двадцать четыре года у меня было много очень точных представлений о независимости, которые позже пришлось пересмотреть, но это конкретное я тогда защищала почти физически.

Мы поели на кухне. Антон листал объявления о комнатах вместе со мной и отбраковывал кандидатов по фотографиям профилей с уверенностью человека, который никогда не жил с соседкой.

— Эта точно будет воровать твой шампунь.

— Почему?

— У неё взгляд.

— Прекрасно. Научная оценка.

Он пролистнул дальше.

— А эта будет выращивать что-нибудь на подоконнике.

— У меня уже есть кактус. Лимит исчерпан.

В какой-то момент я сказала, что если до конца месяца никого не найду, придётся искать квартиру дешевле.

— Найдёшь, — сказал Антон.

— Это не план.

— Это прогноз. Через пару месяцев будешь смеяться.

Я отложила телефон.

— С каких пор ты оптимист?

Он пожал плечами.

— С тех пор как ты сидишь рядом и выбираешь соседку по аватарке.

— Я выбираю человека, с которым буду делить ванную. Тут допустима осторожность.

— А через полгода?

Я спросила это без особого смысла. Договор на квартиру заканчивался весной, и мы раньше иногда бросали вперёд такие бытовые фразы: где будем на Новый год, куда поедem летом, стоит ли мне искать работу ближе к центру. Они ничего не обещали, но создавали ощущение, что будущее существует и мы оба его видим.

Антон потянулся за хлебом.

— До полугода ещё дожить надо.

— Очень романтично.

— Зато честно.

Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Тогда фраза показалась мне просто фразой. Он поставил телефон рядом с тарелкой экраном вверх. Пока мы спорили о девушке с фотографией на фоне водопада, пришло сообщение. Я машинально увидела несколько незнакомых имён в уведомлении

— группа, судя по всему, рабочая. Антон прочитал его, перевернул телефон экраном вниз и продолжил говорить.

Само по себе это ничего не значило. Люди переворачивают телефоны. Люди состоят в группах с людьми, которых их девушки не знают. В тот момент я именно так и подумала — если вообще подумала. Через минуту телефон снова завибрировал. Антон посмотрел на экран.

— Я отвечу?

— А ты обычно спрашиваешь разрешения?

— Сегодня ты опасная. У тебя карты.

Он взял телефон и вышел в коридор. Вот это я заметила. Не потому, что он никогда не разговаривал по телефону без меня. Конечно, разговаривал. Но в нашей маленькой кухне обычно никто никуда не уходил: если звонок был по работе, он отвечал у окна, пока я мыла чашки, и я автоматически переставала слушать после первых двух слов. А тут он прикрыл за собой дверь.

Я продолжила смотреть объявления. Одна девушка писала, что любит тишину, книги и «осознанных людей». Я сразу закрыла её профиль. После Леры мне хотелось человека, который любит переводить деньги до пятого числа. Антон вернулся минуты через три.

— Всё? Работа?

Он на долю секунды задержался, будто вопрос требовал выбора формулировки.

— Вроде того.

Пауза ничего не доказывала. Если бы я тогда умела отличать факт от ощущения, я бы записала: он вышел говорить в коридор; на вопрос ответил «вроде того». Всё остальное возникло бы позже. Но никакой тетради у меня ещё не было.

У меня была только колода Леры на холодильнике и мужчина, который через минуту мыл мою тарелку. Перед уходом он вынес пакет с мусором и сказал, что в субботу, возможно, не получится встретиться.

— Мы же хотели поехать за стеллажом, — напомнила я.

— Да. Давай перенесём.

— На воскресенье?

— Я напишу.

Он уже собирался уходить, но я не отпустила вопрос.

— У тебя работа?

— Встреча одна.

— В субботу?

— Бывает.

Он сказал это спокойно, потом притянул меня к себе и поцеловал — не коротко, не виновато, не так, как целуют человека перед признанием. Если бы существовал надёжный телесный способ распознавать ложь, человечество давно продавало бы его вместо детекторов. Я ничего не распознала.

— Не злись, — сказал он.

— Я не злюсь.

— Врёшь.

— Немного.

Он задержался у двери.

— В воскресенье исправлюсь.

— Записала.

— Куда?

Я кивнула на коробку с Таро.

— Здесь всё записывается.

Он фыркнул.

— Тогда скажи им, что стеллаж я тебе всё равно соберу.

После него в квартире пахло жареной курицей и его одеколоном. Я закрыла дверь, вернулась на кухню и обнаружила, что он оставил половину шоколадки. Рядом лежала колода. Я убрала шоколад в холодильник.

Карты — нет.

Не потому, что собиралась гадать. Просто я не хотела снова нести их в комнату Леры. Я положила коробочку на край стола, рядом с телефоном, открыла ещё одно объявление о соседке и продолжила заниматься настоящей проблемой. Только перед сном Антон написал:

«Субботу точно не планируй на меня. Потом объясню». Я перечитала сообщение два раза.

Потом написала:

«Хорошо».

И, уже положив телефон, зачем-то посмотрела на тёмно-фиолетовую коробочку на столе.

На этом всё.

В тот вечер карты ещё ничего мне не сказали.

Глава 2. Три карты

Утром колода всё ещё лежала на кухонном столе. За ночь она не сделала ничего необычного. Не светилась, не шуршала, не приснилась мне в виде покойной прабабушки, которой у меня, к счастью, хватало здравого смысла не приписывать тайные знания. Она просто мешала поставить кружку рядом с ноутбуком.

Антон написал в половине девятого: «Проснулась?» Я посмотрела на сообщение, потом на его вчерашнее «субботу на меня не рассчитывай, потом объясню» и ответила:

«К сожалению».

Через минуту пришёл смеющийся смайлик и фотография стакана кофе из машины. Обычный Антон. Человек, который мог забыть предупредить о встрече, но помнил, что я ненавижу утренние разговоры до первой кружки.

Я поставила чайник.

Комнату Леры я собиралась сфотографировать для объявления, но сначала нужно было убрать коробки. Коробки я решила не трогать до её ответа. Ответа не было. Значит, у меня образовалось вполне взрослое субботнее занятие: ждать чужого решения о чужих вещах в квартире, за которую платить мне.

Я открыла ноутбук, поправила текст объявления и поймала себя на том, что уже в третий раз читаю одну и ту же

фразу: «Ищу спокойную, аккуратную девушку без животных». После Леры хотелось дописать: «со стабильным доходом, прозрачной финансовой историей и двумя поручителями».

Вместо этого я удалила слово «аккуратную». Оно всё равно ничего не гарантировало. Колода лежала справа от компьютера. Я взяла её только потому, что ждать ответов на объявление было скучно. По крайней мере, именно так я объясняла себе это потом.

Карты тасовались плохо. Они были чуть шире обычных игровых, цеплялись углами и несколько раз выскользнули у меня из рук. Я собрала их обратно и подумала, что если это инструмент высших сил, высшие силы могли бы позаботиться об удобстве пользователя.

Я знала о Таро примерно то, что знают люди, которые никогда им не интересовались: там есть Смерть, её почему-то не надо бояться, есть влюблённые, дьявол, какие-то короли, и любой результат при желании можно объяснить задним числом. Лера однажды раскладывала карты на кухне с двумя подругами. Я тогда пришла поздно, увидела свечи и спросила, не вызывают ли они кого-нибудь, кто оплатит коммуналку.

Лера сказала, что я безнадёжная. Вероятно, это был её самый точный прогноз. Я перевернула верхнюю карту. Мужчина держал жезл и смотрел куда-то вдаль. Следующая — женщина с кубком. Следующая — человек с мечами. Ника-

кой системы я не видела. Это меня и зацепило.

Я не любила системы, которые обещали объяснить всё. Но я любила понимать, как система устроена. В университете меня куда сильнее занимало, почему люди выбирают один ответ в опроснике, а не другой, чем итоговая цифра в конце. На работе я могла полчаса искать ошибку в таблице просто потому, что знала: где-то есть правило, которое нарушилось.

С Таро было хуже. Правила, судя по первым пяти минутам поиска, существовали сразу во множественном числе и противоречить друг другу им никто не запрещал. Я набрала в поисковике: «таро значение карт для начинающих». Получила обещания узнать будущее, увидеть скрытое, разобраться в отношениях, привлечь деньги и, судя по рекламе сбоку, купить курс со скидкой до полуночи.

— Очень удобно, — сказала я колоде. — До полуночи я ещё могу спасти и личную жизнь, и финансы.

Я открыла самый скучный сайт из тех, что нашлись. Там было написано, что колода состоит из старших и младших арканов, что карты можно читать в разных позициях, учитывать прямое и перевёрнутое положение и соединять значения между собой. Я снова пересчитала карты. На этот раз дошла до конца. Семьдесят восемь.

Вчера я бросила на шестнадцатой. Это почему-то показалось мне достаточным основанием достать из ящика тетрадь в клетку. Тетрадь была новая, купленная ещё летом вместе с ручками. Я собиралась записывать туда расходы, но расхо-

дов оказалось достаточно много и без письменного увековечивания.

На первой странице я написала:

«Таро».

Посмотрела, зачеркнула и написала ниже:

«Проверка».

Это выглядело не менее глупо, зато честнее. Я решила, что если уж тратить субботу на ерунду, то хотя бы делать это аккуратно. Вверху страницы поставила три пункта:

Вопрос.

Карты.

Первая версия.

Не «ответ». Именно «первая версия». Тогда мне казалось, что это просто университетская привычка не выдавать предположение за результат. Сейчас я думаю, что половина полезных вещей в жизни сначала появляется как занудство. Первый вопрос я придумала безопасный.

«Найду ли я новую соседку?»

Потом перечитала и вычеркнула. Он мне не понравился. Слишком удобно. Если соседка находилась — карты правы. Если не находилась — я могла плохо перемешать, неправильно спросить или выбрать не тот расклад. Система с таким количеством запасных выходов раздражала меня ещё до первого опыта.

Я написала:

«Что мне сейчас важно про ситуацию с квартирой?»

Тоже плохо.

Под эту формулировку подходило вообще всё, включая совет помыть пол.

Я захлопнула тетрадь. Телефон мигнул: сообщение было не от Антона, а от девушки, которой я утром переслала объявление. Она спрашивала, можно ли прийти посмотреть комнату завтра. Я сразу ответила «да». Вот так, без единой карты, будущее немного улучшилось.

Я поставила тетрадь обратно на стол и занялась комнатой. Сняла с подоконника кактус, отодвинула Лерины коробки к стене, протёрла пыль. Потом обнаружила на полу серьгу, потом ещё одну резинку, потом двадцать минут искала пакет для мусора, хотя он всё это время висел на ручке двери.

Колода мешала мне каждый раз, когда я проходила на кухню. К обеду я уже могла убрать её в коробку, но вместо этого снова открыла сайт. У этого решения не было красивой причины. Просто между «встретимся завтра в четыре» от потенциальной соседки и молчанием Антона насчёт субботы образовался неприятный зазор. Не трагедия. Даже не проблема. Маленькая вещь, которую можно было спросить у него вечером.

Но когда человек не знает ответа, он удивительно быстро начинает интересоваться инструментами, которые обещают, что ответ где-то есть. Я это ещё не формулировала. Просто взяла ручку и на новой строке написала:

«Вопрос: что происходит между мной и Антоном?»

Формулировка сразу показалась мне слишком торжественной. Мы не были героями романа. Мы встречались полтора года, спорили о том, где заказывать еду, оставляли друг у друга зубные щётки и иногда забывали заранее договориться о выходных. Накануне он принёс мне лапшу, предложил деньги, вымыл кружки и уснул рядом со мной так спокойно, как спят люди, которым нечего доказывать.

И всё-таки я не вычеркнула вопрос. Я нашла простой расклад на три карты. Без прошлого, кармы, предназначения и прочего, что требовало слишком большого доверия к картону. Три позиции на сайте назывались по-разному. Я выбрала вариант, который хотя бы можно было проверить: что я вижу, чего не вижу, что влияет на ситуацию.

Потом передумала. Даже это уже подсказывало ответ. Я закрыла страницу и решила сделать ещё проще: три карты без позиций. Посмотреть, какие ассоциации они вообще вызовут, а потом сравнить с тем, что я знаю. Так мне было спокойнее. Как будто я не гадала, а проводила плохо финансируемый эксперимент на собственной кухне.

Я перемешала колоду. Первый раз карты разъехались по столу. Второй раз одна упала на пол. Третий я решила считать успешным просто потому, что ничего не уронила. Я сняла верхнюю часть колоды, положила вниз и вытянула первую карту.

Луна.

Та самая, над которой я шутила вчера.

Я невольно усмехнулась.

— Уже знакомые пошли.

На сайте рядом с Луной стояли слова про неясность, тревогу, иллюзии, скрытое, страхи и то, что не всё видно. Список был достаточно широким, чтобы в него поместилась половина человеческой жизни.

Я записала только:

«Луна — неясно / могу додумывать». Мне понравилась именно вторая часть. Она хотя бы относилась ко мне, а не к устройству Вселенной. Вторая карта показала человека, который уносил мечи, оглядываясь назад.

Семёрка мечей.

Тут сайт был менее деликатен: хитрость, обходной путь, тайна, уклонение, действия не напрямую. Меня снова раздражило, насколько охотно сознание цепляется за готовое название. Картинка давала слишком удобную ручку, за которую хотелось сразу схватить ситуацию. Вчера Антон вышел говорить в коридор. Сегодня не объяснил субботу. Это были факты. «Тайна» уже была названием, которое я могла на них наклеить, а название ещё ничего не доказывало.

Я записала:

«7 мечей — не напрямую / что-то не проговорено». Посидела секунду и добавила после тире: «не факт что скрывает». Эта приписка потом оказалась для меня важнее самой карты. Третью я вытянула почти без интереса — скорее чтобы закончить. На ней сидели три женщины с поднятыми кубками.

Тройка кубков.

Праздник, компания, друзья, общение, радость, совместное событие. Я прочитала список дважды. Потом посмотрела на три карты рядом.

Луна.

Семёрка мечей.

Тройка кубков.

Отдельно каждая была достаточно расплывчатой. Вместе они почему-то перестали казаться случайным набором картинок. Не потому, что я получила ответ. Потому что мозг очень любит ответы собирать. Я записала напротив третьей: «люди / компания / совместное дело».

Подвела черту и под ней написала:

«Первая версия: пока не знаю». И оставила ручку лежать поперёк страницы. Я отодвинула карты и открыла переписку с Антоном, как будто хотела проверить себя на месте преступления. Ничего нового там не появилось. Последние сообщения были скучными: адрес доставки, фотография нелепой вывески, мой вопрос, купил ли он батарейки, его «не забуду», хотя батарейки он, разумеется, забыл. Потом вчерашнее: «субботу на меня не рассчитывай».

Если читать только переписку, никакой драмы не существовало. Если смотреть только на три карты, драма появлялась слишком легко. Меня поразила не точность расклада, а скорость, с которой одно начинало прилипать к другому. Я ещё ничего не решила, но уже заметила, какие именно

вчерашние детали память вынесла наверх: телефон экраном вниз, разговор в коридоре, его «вроде того».

Я записала на полях: «Проверять, что было до карт». Тогда это казалось просто хорошей дисциплиной. Несколько минут я сидела перед тремя картами и убеждала себя, что именно так и должна выглядеть аккуратная проверка: неясность, не прямое действие, компания. Три широких обозначения. Никакого события. Никакого факта, которого я не знала раньше.

Но сочетание уже начало делать то, ради чего люди, наконец, и возвращались к таким вещам.

Оно предлагало историю.

Я пока не позволяла себе её дописать.

Вопросительный знак я всё-таки дописала.

Не сразу.

Сначала минут пять смотрела на Тройку кубков и читала одно и то же описание разными словами: компания, праздник, друзья, встреча, удовольствие, круг людей. Потом сделала то, что делают люди, когда широкий ответ их не устраивает: сузила поиск сама.

Я набрала: «тройка кубков отношения измена». Результаты стали гораздо определённые. На одном сайте карта означала вмешательство третьего лица. На другом — любовный треугольник, особенно рядом с картами скрытности. На третьем автор благоразумно написал, что всё зависит от контекста, а потом перечислил столько вариантов контекста, что

среди них можно было найти почти любую человеческую неприятность.

Я вернулась к столу.

Луна.

Семёрка мечей.

Тройка кубков.

Теперь они выглядели иначе. Не потому, что карты изменились. Изменился вопрос, с которым я на них смотрела. В тетради под «Первая версия: пока не знаю» я написала вторую строку:

«Может быть другая женщина?»

Потом поставила рядом большой вопросительный знак. Получилось почти смешно. Вчера мой парень мыл у меня кружки, сегодня я подозревала его в измене по трём картинкам из коробки бывшей соседки, которая всё ещё была должна мне деньги. Если бы эту историю рассказала мне подруга, я бы спросила, не хочет ли она сначала поговорить с мужчиной.

Поэтому я закрыла тетрадь. На этом месте в памяти у меня много лет существовала более красивая версия. В ней я увидела три карты и сразу поняла: между нами что-то не так. Тетрадь портила эту версию. Там стояло «может быть» и вопросительный знак. Я не поняла. Я придумала одну из версий и сама же её испугалась.

Антон позвонил около трёх.

— Ты дома?

— А где мне быть? У меня теперь недвижимость в единоличном управлении.

— Тогда я заеду вечером.

— У тебя же встреча.

Пауза была короткая. Я бы не заметила её, если бы не провела утро рядом с Семёркой мечей.

— Уже закончилась.

— Успешно?

— Вроде да.

Снова это «вроде».

— Что за встреча-то?

— Май, я расскажу. Просто не сегодня, ладно?

Вот здесь можно было спросить прямо. С кем ты встречался?

Почему нельзя рассказать?

Кто тебе пишет?

Что именно будет через полгода? Но прямой вопрос требует готовности получить прямой ответ. А я неожиданно обнаружила, что мне удобнее ещё немного не знать. Это тоже не очень украшает человека, зато часто объясняет, почему он делает странные вещи.

— Ладно, — сказала я. — Купи молоко.

— Вот за это я тебя люблю.

— За хозяйственность?

— За масштаб требований.

Он приехал после восьми с молоком, хлебом, двумя бан-

ками пива и маленьким рулоном мусорных пакетов.

— Я видел твои вчерашние мучения, — сказал он, потрясая рулоном. — Решил вложиться в инфраструктуру.

— Наконец-то мужчина начал приносить в дом полезное.

— Я всегда приносил полезное.

— Ты приносил себя.

— Именно.

Он поцеловал меня в щёку и прошёл на кухню так привычно, что на секунду утренняя тетрадь показалась особенно нелепой.

Антон не жил у меня. У него была своя съёмная квартира, ближе к работе, с отвратительным серым диваном, который хозяин запрещал выбрасывать. Но за полтора года его вещи естественным образом расселились по моей жизни. Зарядка в ящике. Зубная щётка в стакане. Футболка за стиральной машиной, которую он считал потерянной. У меня у него тоже лежали крем, носки и книга, которую я никогда не дочитывала.

Такие вещи производят ощущение будущего сильнее любых разговоров о будущем. Колоду я не убрала, и Антон заметил её почти сразу.

— О, всё-таки заразилась?

— Изучаю наследство.

Он взял Тройку кубков, которая осталась сверху.

— Что это?

— Три женщины пьют.

— Хорошая карта.

— Ты эксперт?

— Очевидно. Если люди пьют и никто не плачет — всё идёт по плану.

Я смотрела на него и думала, что подозревать Антона было неудобно ещё и потому, что он не соответствовал удобному образу подозреваемого. Он не прятал от меня телефон демонстративно. Не исчезал ночами. Не становился внезапно холодным. Не придирался, не отстранялся, не заводил новую загадочную привычку.

Были только детали.

Телефон экраном вниз.

Разговор в коридоре.

Субботняя встреча, про которую он не хотел рассказывать. И теперь рядом с этими деталями лежали три карты, которые я сама научила говорить на нужную мне тему. Перед омлетом он ещё успел зайти в бывшую Лерину комнату.

— Неплохо стало, — сказал он.

— Особенно если не знать, что в этих коробках половина прошлых жизней одного человека.

Он поднял одну за боковые прорези и переставил к стене.

— Тяжёлая.

— Там эзотерика. Она весит больше обычных убеждений.

— А кактус входит в стоимость комнаты?

— Нет. Это мой первый иждивенец.

Антон присел перед кактусом.

— Суровый мужчина.

— Это женщина.

— Откуда знаешь?

— Я теперь специалист по скрытым знакам.

Он посмотрел на меня.

— Опасная стадия.

Мы сфотографировали комнату ещё раз. Антон отодвинул коробки так, чтобы они не попадали в кадр, поправил покрывало на кровати и сказал, что первая фотография выглядит как объявление о сдаче камеры предварительного заключения.

— Сделай из угла, — посоветовал он. — Здесь окно видно.

Я сделала снимок, и на новой фотографии комната действительно стала светлее.

— Вот, — сказал Антон. — Теперь можно брать на двадцать процентов дороже.

— Я тебе напомню, что ты предложил мне деньги.

— Это не мешает мне поддерживать рыночные методы.

Я отправила ему текст объявления. Он исправил одну запятую и предложил убрать слово «уютная».

— Почему?

— Потому что «уютная» означает маленькая.

— Она и есть маленькая.

— Но об этом человек должен узнать, когда уже приехал.

— Ты ужасный.

— Я работаю в рекламе.

Вот таким Антон был большую часть времени: не загадочной, а человеком, с которым бытовая неприятность становилась на полтона легче. Именно поэтому три утренние карты раздражали меня. Они пытались превратить знакомого мне мужчину в функцию собственного сюжета. Антон поставил сковородку на плиту.

— Ты ела?

— Днём.

— Это не ответ.

— Тогда нет.

— Понятно.

Он нашёл яйца, остаток сыра и помидор, который уже следовало использовать из соображений гуманности. Я сидела на столешнице и смотрела, как он готовит омлет. Мне хотелось спросить: «У тебя есть кто-то ещё?» Фраза была настолько не похожа на наш обычный разговор, что я не могла представить, как произнесу её вслух.

Можно было зайти сбоку.

«Кто был на встрече?»

«Почему ты выходил вчера разговаривать?»

«Что за проект?»

Но после утреннего поиска любой ответ уже рисковал превратиться в проверку версии, о существовании которой Антон не знал.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

— Ты на меня смотришь.

— У тебя сыр горит.

Он обернулся.

— Он плавится.

— Между этими состояниями очень короткая граница.

— Психолог.

— Я не про психологию.

— Это временно.

Он сказал это без особого смысла, просто дразня. Но фраза зацепилась за меня. Тогда я ещё не знала, чем буду заниматься через много лет. Я вообще не знала, что через несколько месяцев начну принимать решения о работе и учёбе, которые потом будут казаться неизбежными.

В двадцать четыре будущее обычно выглядит не как дорога, а как список вещей, которые пока можно отложить. Антон снял сковородку и ткнулся лбом мне в плечо.

— Я устал.

Я провела рукой по его волосам.

— От встречи?

— Вообще. Тяжёлая неделя?

— Да.

Это могло быть правдой. Скорее всего, было правдой. Проблема началась не с того, что Антон говорил мне ложь. Проблема была в том, что правдивые ответы тоже могут оставлять главное за пределами разговора. Но эту формули-

ровку я придумала позже.

Тогда он просто стоял между моих коленей, пах улицей и жареным сыром, и я чувствовала себя душой. После еды мы открыли пиво и смотрели какую-то комедию с ноутбука. Антон лёг головой мне на живот, а я машинально перебирала пальцами его волосы. На середине фильма он заснул.

Телефон лежал рядом с ним на диване, экраном вверх. Когда он загорелся от сообщения, я увидела незнакомое имя. У меня было достаточно времени, чтобы прочитать первую строку уведомления.

Я отвернулась.

Не из благородства. Из страха. Если там было что-то обычное, мне пришлось бы признать, что я полдня строила историю из воздуха. Если необычное — нужно было бы что-то делать. Незнание снова оказалось самым удобным состоянием. Я могла разбудить его и спросить, кто написал — честнее, чем читать чужой экран.

Но честность тоже бывает способом заставить другого отвечать в удобный тебе момент. Антон спал после недели, которую назвал тяжёлой. У меня не было факта, из-за которого разговор нельзя было отложить до утра. Было только неприятное ощущение, усиленное поисковой строкой.

Я встала, накрыла телефон краем пледа — скорее чтобы больше не видеть, чем из заботы о его сне, — и пошла на кухню. По дороге я поймала себя на ещё одной вещи. До колоды незнакомое имя в уведомлении было бы просто незна-

комым именем. После колоды оно уже претендовало на роль.

Это и было самым сильным эффектом трёх карт в тот вечер. Не предсказание. Распределение ролей. Когда Антон проснулся, экран уже погас.

— Сколько я спал?

— Минут двадцать.

— Врёшь.

— Тридцать пять.

— Вот теперь похоже на правду.

Он потянул меня к себе, и мы ещё долго лежали в темноте, потому что включать верхний свет не хотелось. Никакой особенной сцены не произошло. Именно поэтому я хорошо её помню. Я чувствовала его руку у себя на талии и думала о том, как легко человеческий мозг держит две несовместимые версии одновременно.

Вот мужчина, которого я знаю. Вот мужчина, о котором я, возможно, не знаю чего-то важного. Обе фразы были правдой. Ни одна не означала измену. Поздно ночью, когда Антон уснул, я вернулась на кухню за водой. Три карты всё ещё лежали на столе. Я открыла тетрадь и под вопросительным знаком написала: «Основания до карт: звонок отдельно, суббота, не хочет пока объяснять».

Ниже:

«Основания после карт: никаких новых фактов».

Потом всё-таки дописала:

«Версия: третье лицо / другая женщина?»

На этот раз вопросительный знак был меньше. Я закрыла тетрадь и убрала её в ящик. Это был мой первый настоящий расклад. Не потому, что карты что-то угадали. Потому что впервые после них мне стало труднее отличить то, что я увидела, от истории, которую построила из увиденного.

Глава 3. Не другая женщина

Я узнала про Петербург не из признания и не из чужого сообщения. В понедельник утром Антон позвонил мне сам и спросил, есть ли у меня дома его серый ежедневник. Я стояла в прихожей босиком, прижимая телефон плечом, и смотрела на две пары обуви, которые оставались после Леры. Одну она обещала забрать, про вторую, кажется, забыла.

— Какой ежедневник?

— Серый. С резинкой. Я мог оставить у тебя в субботу.

— Ты в субботу был у меня с рюкзаком.

— Поэтому и мог оставить.

— Железная логика.

— Май, пожалуйста. Там работа, — сказал он тем голосом, которым обычно говорил про потерянный пропуск или зарядку: без тайны, просто с раздражением на самого себя. Я нашла ежедневник между стеной и диваном.

— Есть.

— Открой последнюю страницу, там телефон должен быть.

Я замерла.

До карт я бы открыла. После карт просьба прочитать страницу чужого ежедневника почему-то казалась ловушкой, хотя попросил об этом сам Антон.

— Точно можно?

— Майя, я сам тебя прошу.

— Это не отменяет возможных последствий.

— Господи. Последняя страница. Внизу.

Я открыла.

Там было несколько номеров, какие-то стрелки, размеры и короткие записи. Ничего похожего на любовную переписку. Самым крупным почерком посередине страницы было написано: «СПБ / площадка / ср 11:30». Ниже — фамилия и номер телефона.

Я продиктовала номер.

— Спасибо. Спасла.

— Что за площадка?

Пауза была короткой. Раньше я, скорее всего, не заметила бы её вообще.

— Рабочая.

— В Петербурге? Ты едешь туда?

— Да, но не сейчас. Потом расскажу, ладно? Я уже опаздываю.

Он поцеловал меня в телефон — привычное «муа», над которым я всегда издевалась, — и отключился. Я осталась с открытым ежедневником в руке. Если человек скрывает любовницу, он, вероятно, не просит девушку искать телефон на странице, где крупно написан город, связанный с его тайной.

Соображение было разумным, но к моей версии почему-то не пристало. Я положила ежедневник на тумбу и пошла на работу.

Перед выходом я всё-таки вернулась в комнату и посмотрела на колоду. Не раскладывала. Мне хотелось задать ещё один вопрос — «что именно он скрывает?» — и одновременно было понятно, что это самый удобный способ получить ещё больше материала для истории, которую я уже начала строить. Если первый ответ оказался недостаточно точным, всегда можно спросить второй раз, потом третий, потом уточнить позицию, потом вытянуть дополнительную карту. В какой-то момент количество уточнений неизбежно начинает выглядеть как доказательство.

Я закрыла коробку и убрала её в ящик. Так появилось первое правило, которое я придумала сама: не переспрашивать колоду, пока в мире не появилось ничего нового. Тогда мне казалось, что правило нужно для чистоты эксперимента. Позже я поняла, что в основном оно спасало меня от собственной настойчивости.

В метро я вспомнила Тройку кубков. Не потому, что решила: вот они, три человека, вот Петербург, карта всё сказала. Наоборот. Мне вдруг стало неловко от того, насколько легко любую новую деталь можно было пристроить к уже выбранной истории.

Три человека могли быть кем угодно. Коллегами. Друзьями. Клиентами. Женщинами в баре. Людьюми на фотографии. Любыми тремя людьми, которых потом удобно заметить. Я достала телефон, открыла заметки и написала: «Новая информация: СПб / рабочая площадка».

Потом добавила:

«Не объясняет третье лицо».

Через минуту исправила:

«Не доказывает третье лицо».

Так было точнее.

Весь день я занималась анкетами кандидатов на позицию руководителя отдела продаж и ловила себя на том, что делаю с чужими ответами то же самое, что с Антоном: ищу подтверждение версии, которая появилась раньше данных. Кандидат говорил, что ушёл из прошлой компании из-за отсутствия роста, и если заранее хотелось считать его конфликтным, фраза становилась признаком конфликта. Если хотелось считать амбициозным — та же фраза становилась признаком амбиции.

Работа редко позволяла доказать, что человек «такой». Она позволяла собрать несколько сигналов и решить, какой риск ты готов принять. С Антоном я почему-то хотела не риск. Я хотела приговор. В обед я взяла лист из принтера и провела посередине вертикальную черту. Слева написала «другая женщина», справа — «работа».

Под первой версией оказалось: разговор в коридоре, телефон, субботняя встреча, незнакомое имя. Под второй: субботняя встреча, ежедневник, Петербург, слово «площадка». Я посмотрела на лист и рассмеялась. Почти все пункты можно было переписать из одной колонки в другую, не меняя самих событий. Менялось только объяснение.

Польза от этого открытия оказалась неприятной. Я порвала лист и выбросила, потому что коллега проходила мимо и могла решить, что я составляю сравнительную таблицу любовниц и вакансий. Вечером он приехал за ежедневником, но не поднялся: позвонил снизу и сказал, что у него десять минут.

— Почему десять?

— Встречаюсь с ребятами.

— С какими?

— По работе.

— Опять?

— Май, — произнёс он моё имя чуть устало.

Я спустилась.

Антон стоял у подъезда с кофе в бумажном стакане и говорил по телефону. Увидев меня, поднял палец: секунду.

— Да, я понял. Нет, завтра не смогу. Если они пришлют план сегодня, я ночью посмотрю. По Питеру тогда отдельно.

Он отключился.

Я протянула ежедневник.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Ты злишься?

— По голосу сам слышишь.

— Значит, злишься.

— Я учусь оставлять вопросительный знак.

— Что?

— Ничего.

Антон посмотрел на меня внимательнее, но не стал спрашивать.

— В среду увидимся?

— У тебя же площадка в Петербурге.

Он поморщился.

— Я не еду в среду. Они смотрят без меня.

— Кто «они»?

— Слушай, я правда расскажу. Просто не на бегу.

— Ты уже третий раз это говоришь.

— Потому что третий раз мы разговариваем на бегу.

Он был прав, что раздражало особенно. Он поцеловал меня в щёку, сел в такси и уехал. В среду мы не увиделись. Антон написал около девяти вечера: «Не успеваю. Созвон затянулся. Прости».

Я ответила: «Ок». Потом, чтобы не выглядеть обиженной даже перед собой, добавила смайлик. Минут через десять он прислал: «Ты злишься?» Я написала: «Нет». Он ответил почти сразу: «Врёшь». Я смотрела на это слово и думала, что страннее всего в моей версии было вот что: я подозревала Антона в большой скрытой истории, а он при этом довольно хорошо замечал маленькую ложь в одном сообщении.

«Немного», — призналась я.

«Имеешь право. В пятницу всё расскажу». Я набрала: «Что значит всё?» — и стёрла. Потом: «Это про Питер?» — и тоже стёрла. Ответила просто: «Ладно».

Если бы тогда существовал кто-то, кому я могла показать этот диалог со стороны, он, возможно, сказал бы, что Антон практически назначил разговор. Но человеку внутри ситуации трудно пользоваться очевидностью. Очевидность всегда конкурирует с тем, чего ты боишься. На следующий день он прислал фотографию кофе и ноутбука с подписью: «Я ненавижу презентации».

На экране за стаканом была открыта таблица. Я увеличила фотографию двумя пальцами и сразу почувствовала себя человеком, который делает что-то мелкое и неприятное. В верхней строке различалось только одно слово:

«Санкт-Петербург».

Я уменьшила фотографию.

Тогда впервые версия про другую женщину начала терять плотность. Не исчезать. Именно терять плотность. Ей требовалось всё больше специальных объяснений.

Рабочая площадка — прикрытие.

Таблица — случайность.

Встречи — повод.

Усталость — чувство вины.

Чем больше появлялось обычных рабочих деталей, тем сложнее было удерживать романтическую тайну без дополнительных предположений.

Я открыла тетрадь.

Под старой записью «другая женщина?» написала:

«Альтернатива: работа / Петербург».

И поставила рядом ещё один вопросительный знак.

Мне стало легче — и именно это оказалось ошибкой.

Лёгкость я приняла за приближение к правде, хотя на самом деле просто нашла версию, которая меньше пугала. В пятницу днём я ещё раз открыла тетрадь и попробовала сформулировать, чего именно боюсь в каждой версии. «Другая женщина» означала, что Антон выбрал кого-то вместо меня.

«Работа / Петербург» пока не означала почти ничего. Командировки существуют. Проекты заканчиваются. Люди ездят между городами. Поэтому вторая версия казалась взрослой и спокойной. Её можно было обсуждать без унижения. Я даже заранее придумала правильную реакцию: спросить, насколько надолго, как часто он будет приезжать, что можно сделать с выходными.

То есть ещё до разговора я превратила неизвестность в задачу с логистикой. Это тоже было способом не видеть того, чего я пока не знала. Антон приехал в пятницу после десяти — на этот раз без рюкзака, с пакетом еды и бутылкой вина.

— Мириться? — спросила я.

— Мы ссорились?

— Не знаю. Ты всё время занят. Я решила не мешать развитию сюжета.

— Очень смешно.

Он поставил пакет на кухонный стол и долго молчал, разбирая контейнеры. Это молчание отличалось от прежних. В

нѐм уже было не избегание разговора, а подготовка к нему.

Я села напротив.

— Ну?

Антон вздохнул.

— Помнишь, я рассказывал весной про ребят, с которыми мы делали тот запуск?

Смутно.

— Они уходят отдельно. Хотят собрать свою команду. В Питере появился большой проект. Коммерческие пространства, мероприятия, запуск площадки — всё вместе. Им нужен человек, который сможет это собрать на месте.

Я смотрела на него. Все последние дни внезапно перестроились без всякой мистики.

Коридорный звонок.

Субботняя встреча.

Серый ежедневник.

Петербург в таблице.

Люди, с которыми он встречался после работы.

— Тебя зовут туда? На сколько?

— Сначала говорят месяцев на шесть. Может, больше.

— И что ты им сказал?

Он опустил глаза на пластиковую крышку контейнера и провёл пальцем по краю.

— Что мне интересно.

— Это не ответ.

— Я знаю.

Теперь он посмотрел на меня.

— Я сказал, что, скорее всего, соглашусь.

Я почему-то посмотрела на бутылку вина, которую он принёс. До этой секунды она казалась жестом примирения. Теперь — реквизитом к разговору, который он заранее знал, что будет тяжёлым. Это ничего не доказывало, но сам предмет мгновенно сменил значение. Так потом будет происходить в чужих историях десятки раз: факт остаётся тем же, а новая информация меняет его вес. Тогда я ещё не умела отделять это изменение смысла от ощущения, будто прошлое тоже изменилось.

В кухне было тихо. Холодильник щёлкнул и снова загудел. Я ещё могла спросить, когда он собирался мне это сказать, почему обсуждал с ними раньше, чем со мной, что значит «скорее всего» и почему при слове «Петербург» у него уже был тот голос, которым говорят о купленном билете, а не о возможной поездке.

Но это были вопросы следующей минуты. В первую я поняла только одно. Антон наконец рассказал мне свой секрет. И другой женщины в нём не было.

Было хуже устроено.

Он сообщал мне не о предложении. Он сообщал мне о решении, которое почти уже принял. Я смотрела на Антона и всё ещё ждала второй части фразы. Иногда человек сообщает тебе плохую новость, и мозг автоматически оставляет для неё дверь: сейчас он добавит что-нибудь, после чего всё

снова станет нормальным.

«Скорее всего, соглашусь» могло продолжиться словами «если мы решим, что это имеет смысл». Или: «но я пока ничего не обещал». Или хотя бы: «я хотел сначала поговорить с тобой».

Антон молчал.

— Когда ты должен ответить окончательно?

— В понедельник.

— А когда они предложили?

Он посмотрел в сторону.

— Нормально спросила.

— Недели две назад.

Я даже не сразу разозлилась. Сначала начала считать.

Две недели.

За это время был звонок в коридоре, суббота, ежедневник, отменённая среда, фотография с таблицей. За это время я успела найти в чужой колоде другую женщину, придумать ей лицо, почти почувствовать к ней ненависть и потом великодушно отказаться от этой версии.

А Антон две недели обсуждал город, работу и следующие полгода своей жизни.

— И за две недели ты ни разу не мог сказать: «Мне предложили работу в Петербурге»?

— Я не знал, что это будет реальное предложение.

— Но сейчас ты уже почти согласился.

— Сейчас да.

— То есть реальным оно стало между «я не хочу тебя зря дёргать» и «я, скорее всего, соглашусь»?

— Май.

— Нет, правда. Я пытаюсь найти этот момент.

Он потёр лицо ладонями.

— Я хотел сначала понять условия.

— Для кого?

— Что?

— Условия ты хотел понять для кого? Для себя или для нас?

— Для себя, конечно. Это моя работа.

Вот тогда я разозлилась. Не потому, что он сказал что-то жестокое. Наоборот. Он сказал совершенно обычную фразу. Настолько обычную, что в ней сразу стало видно устройство всей ситуации.

Работа была его.

Решение было его.

Город был его.

А «мы» должно было появиться потом, когда основные параметры уже будут выбраны.

— Хорошо, — сказала я. — А я где в этой конструкции?

— В смысле где?

— Вот именно.

Антон отодвинул контейнер с едой.

— Я собирался с тобой всё обсудить.

— Что именно?

— Как будем видаться. Я смогу приезжать. Возможно, часть времени работать отсюда. Там ещё ничего не ясно.

На слове «будем» меня передёрнуло.

— Ты уже решил ехать, а обсуждать со мной собирался расписание поездов?

— Я не решил окончательно.

— Девяносто процентов — это не решение?

— Откуда девяносто?

— Ты сказал «скорее всего».

— Это не девяносто.

— Хорошо. Восемьдесят пять. Мне станет легче?

Он встал, взял бутылку вина и поставил её обратно, хотя явно собирался открыть.

— Ты сейчас цепляешься к словам.

— Потому что других у меня нет. Ты мне ничего другого не дал.

Он тоже начал злиться. Это, как ни странно, немного меня успокоило. Пока Антон был виноватым и осторожным, я чувствовала себя человеком, которому сейчас сообщат приговор. Раздражённый Антон был знакомее.

— Я не хотел обсуждать то, чего могло не случиться, — сказал он. — У тебя и так история с квартирой, Лера, деньги. Зачем было ещё это вешать?

— То есть ты меня берёг?

— В том числе.

— От информации о моей собственной жизни?

— Это не твоя собственная жизнь, Май. Это моя работа. Мы оба замолчали. Он понял первым.

— Я не так сказал.

— Нет. Как раз очень точно.

— Я имел в виду, что решение о работе всё равно моё.

— Конечно твоё.

— Тогда о чём мы спорим?

Я тоже не сразу смогла ответить. Потому что он был прав в той части, которую удобнее всего было защищать. Я не могла требовать, чтобы взрослый мужчина спрашивал у меня разрешения на работу в другом городе. Я не хотела быть человеком, который запрещает другому карьеру, потому что ей страшно.

Но спор был не об этом.

— Я не должна решать за тебя, — сказала я. — Но если ты собираешься уехать на полгода, я должна узнать об этом раньше, чем у тебя останется только кнопка «подтвердить».

Антон сел обратно.

— Я не думал, что ты так воспримешь.

— А как я должна была?

— Не знаю. Я думал, мы разберёмся.

Слово «разберёмся» повисло между нами. Я вдруг вспомнила, как днём заранее придумала спокойный разговор про выходные и поезда. Я действительно была готова разбираться. Только я представляла, что мы будем вместе решать проблему. Оказалось, проблема уже была сформирована без ме-

ня.

Мне предлагалось участвовать в обслуживании решения.

— Ты уже мысленно там, — сказала я.

— Нет. Я просто считаю, что это хороший шанс.

— Для меня это и значит, что ты уже там.

— А если хороший шанс, я должен был отказаться, пока не поговорил с тобой?

— Я опять не про разрешение.

— Но звучит именно так.

Мы зашли в тот тип ссоры, где каждый отвечает на самую неудобную версию фразы другого. Я говорила: «Почему ты не включил меня раньше?» Он слышал: «Почему ты не спросил разрешения?» Он говорил: «Я имею право решить про работу».

Я слышала: «Тебя это не касается». Через двадцать минут мы оба уже защищались от вещей, которые другой буквально не произносил. И всё же под этим шумом оставался один простой факт. Антон сообщил мне о решении тогда, когда внутренне уже отдал ему почти весь вес.

— Скажи честно, — попросила я. — Если бы я сейчас сказала, что не хочу отношений на расстоянии, ты бы отказался?

Он долго молчал.

Этого оказалось достаточно.

— Я не знаю, — сказал он наконец.

— Вот, — сказала я.

— Что «вот»?

— Вот то, что ты не хотел выяснять две недели назад.

Антон опустил взгляд.

Я не чувствовала победы. Было бы проще, если бы чувствовала. Если бы он изменял, у меня была бы готовая моральная конструкция. Есть предательство, есть виноватый, есть униженная сторона, есть решение, которое можно принять в одну ночь. Здесь всё было неприятнее.

Он не выбрал другую женщину. Он выбрал будущее, в котором сначала определил себя, а потом собирался проверить, помещаемся ли туда мы. Это не делало его чудовищем. И именно поэтому было так трудно. Около часа ночи Антон сказал:

— Я поеду домой.

— Хорошо.

Он встал, потом остановился у двери кухни.

— Я правда не хотел тебя исключать.

— Но исключил.

Он кивнул. На этот раз не спорил. Мы не расстались в ту ночь. Он поцеловал меня в висок, я не отстранилась. Потом закрылась дверь, и я слышала, как лифт долго едет с верхнего этажа. Я вернулась на кухню. На столе лежала колода.

Я не брала её весь вечер. Почти смешно: вещь, из-за которой я несколько дней смотрела на Антона как на подозреваемого, теперь просто лежала между пустым контейнером и неоткрытой бутылкой вина.

Я достала тетрадь. Старая запись выглядела так: «Луна — 7 мечей — 3 кубков.

Первая версия: что-то скрывает.

Версия: третье лицо / другая женщина?» Я долго смотрела на вопросительный знак. Потом зачеркнула только вторую строку. Не так, чтобы её нельзя было прочесть.

Рядом написала:

«Буквальная версия — неверна.

Другой женщины нет.

Скрывал: решение о работе / Петербурге, которое касалось наших отношений, но обсуждалось без меня».

Я остановилась. Последняя фраза была слишком красивой. Она делала вид, что я уже всё поняла. Я зачеркнула «касалось наших отношений» и написала проще: «Скрывал не факт измены, а степень готовности уехать».

Так было честнее.

Потом добавила ниже:

«Карты этого не сказали. Это я выбрала из нескольких значений историю про женщину».

Я перечитала. Мне не понравилось. Фраза звучала так, будто я теперь решила стать умнее собственного испуга.

Я дописала:

«Но тема скрытого решения была близко».

И снова остановилась. Вот здесь начиналась ловушка, которую я тогда ещё не умела видеть. Можно было сказать: карты ошиблись. Можно было сказать: карты попали в суть, а я

ошиблась в деталях. Обе версии позволяли чувствовать себя человеком, который уже понял произошедшее.

А я не понимала. Я знала только факты.

Антон собирался уехать.

Он говорил об этом с другими раньше, чем со мной. Я придумала другую женщину. Другой женщины не оказалось. Всё остальное было интерпретацией. Я провела под этими четырьмя строками черту. Это была первая полезная вещь, которой меня научила та тетрадь.

Не карты.

Черта.

Сверху — то, что я знала. Снизу — то, что мне очень хотелось из этого заключить. Я перевернула страницу и, сама не зная зачем, расчертила её пополам. Так мы на работе делали с результатами интервью, когда нельзя было смешивать ответ кандидата и впечатление интервьюера. Слева я написала: «Что произошло». Справа: «Что я решила, что это значит».

Слева получилось скучно:

«Антон закрыл разговор в коридоре».

«Перенёс субботу».

«В ежедневнике было “М.”». «На фотографии было “Санкт-Петербург”». «Две недели обсуждал предложение». «Сказал: скорее всего соглашусь». Справа было гораздо живее:

«Есть женщина».

«Врёт».

«Собирается уйти».

«Я ему больше не нужна». На двух колонках впервые стало видно, насколько правая быстрее левой. Для одного нового факта у меня находилось сразу три смысла. Причём каждый следующий казался доказательством предыдущего. Я зачеркнула «врёт» и написала «не сказал». Это тоже было неприятно, но точнее.

Потом долго смотрела на «собирается уйти» и не стала трогать. Я ещё не знала, относится ли это к городу, к работе или ко мне. Наверное, именно тогда у меня впервые появилась привычка, которая потом будет раздражать людей сильнее самих карт: просить повторить, что именно случилось, прежде чем обсуждать, что это значит.

В ту ночь я, конечно, ещё не умела этого делать с собой. Но хотя бы увидела разницу на бумаге. На полях я написала ещё одну короткую фразу: «Не улучшать версию после ответа». Я имела в виду простую вещь: если первая догадка была про женщину, нельзя потом незаметно объявить, что я «с самого начала чувствовала секрет вообще». Иначе тетрадь превращалась бы не в проверку, а в способ всегда оставаться правой.

Я закрыла тетрадь, но спать не пошла. Телефон лежал экраном вниз. Через несколько минут он завибрировал. Антон написал:

«Доехал. Прости».

Ответила я не сразу. Раньше мне показалось бы важным

понять, что именно он имеет в виду: прости за Петербург, за молчание, за ссору или за то, что всё равно поедет. Теперь я впервые разрешила фразе остаться неточной.

Через десять минут написала:

«Спокойной ночи».

Это не было прощением. И не было расставанием. Просто к концу той ночи я знала о наших отношениях больше, чем утром. И гораздо меньше, чем хотела знать.

Глава 4. Когда человек уже уехал

На следующий день Антон позвонил около полудня. Я не взяла трубку с первого раза. Не потому, что хотела его наказать. Я стояла в магазине перед полкой с макаронами и пыталась понять, почему одна пачка стоит почти вдвое дороже другой, хотя на обеих написано одно и то же слово. В последние недели цена вещей снова приобрела характер личного сообщения.

Когда он позвонил второй раз, я уже вышла на улицу.

— Привет.

— Ты нормально?

— Не знаю. А ты?

— Тоже не знаю.

Это был, пожалуй, самый честный ответ за последние дни. Антон сказал, что в понедельник всё-таки даст ребятам согласие. Я ждала, что внутри что-нибудь щёлкнет. Не щёлкнуло.

— Хорошо, — сказала я.

— Это не значит, что я завтра уезжаю.

— Я понимаю.

— Там ещё договор, даты, жильё. Я могу первые недели мотаться.

Он сразу начал перечислять способы сделать решение менее окончательным. Поезда. Выходные. Несколько дней в

Москве. Работа из дома. Возможность вернуться, если проект окажется не тем, что обещают. Я слушала и вдруг поняла, что вчера сама готовилась говорить ровно об этом.

Логистика была удобнее вопроса, который под ней лежал.

— Антон.

— Что?

— Я не хочу сейчас обсуждать, сколько часов идёт поезд.

Он замолчал.

— Тогда что ты хочешь обсуждать?

Я не знала.

В этом была проблема. Мне хотелось, чтобы у меня появилась правильная формулировка, которая сразу отделит взрослую позицию от обиды. Чтобы я не выглядела ни женщиной, цепляющейся за мужчину, ни женщиной, демонстративно выбрасывающей хорошие отношения из-за одного плохого решения.

Такой формулировки не было.

— Давай увидимся вечером, — сказала я.

Мы встретились у него. У Антона была маленькая однокомнатная квартира, которую он снимал уже третий год. Я всегда считала её временной, хотя за полтора года наших отношений в ней почти ничего не изменилось: та же лампа без плафона на кухне, те же две кружки с рекламой какого-то фестиваля, тот же стул, на который нельзя было садиться, потому что на нём жили чистые вещи.

В шкафу у него лежала моя футболка. В ванной стояла

моя зубная щётка. На дверце холодильника магнитом была прижата фотография, где мы оба выглядели плохо и поэтому почему-то нравились себе особенно. Ни одна из этих вещей не была обещанием.

Но каждая была маленьким доказательством того, что отношения существовали не только в разговорах о будущем. Антон приготовил ужин. Не заказал, хотя обычно после тяжёлых дней ленился. Я резала огурцы, он ругался на сковородку, которая снова начала всё прижаривать, и минут двадцать мы разговаривали так, будто Петербурга нет.

Опасно приятный вечер слишком ясно напомнил, почему я вообще была с ним. Не потому, что он соответствовал списку хороших мужчин. Никакого списка у меня не было. Мне нравилось, как он умел делать обычные вещи незначительными: заехать ночью за лекарством, если у меня болела голова; не спрашивать, почему я молчу, если видел, что я пока не хочу говорить; принести еду и не превращать помощь в отчёт о собственной полезности.

Он знал, что я ненавижу изюм в выпечке, и выковыривал его из кекса, если другого не было. Я знала, что он не выносит, когда на столе мокрое пятно, и специально иногда ставила стакан без подставки. В тот вечер я поймала себя на мысли, что было бы намного проще, если бы отношения последние полгода были плохими.

Тогда Петербург стал бы только поводом признать очевидное. Но очевидного не было. Было другое: хороший человек

мог сделать с тобой вещь, после которой ваши представления о «мы» переставали совпадать.

— Я сегодня сказал им да, — произнёс Антон, когда мы уже ели. — Один из них написал. Официально завтра всё оформим.

Я положила вилку.

— Сегодня же воскресенье.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Я опять сделал не так?

— Теперь уже не «не так». Ты просто сделал.

Антон отодвинул тарелку.

— Я не мог держать их в подвешенном состоянии, пока мы с тобой разбираемся, что делать дальше.

— Я и не просила отказываться от работы. Я не хочу другого: проверять наши отношения тем, выдержу ли я полгода ожидания.

Он нахмурился.

— Почему ожидания? Я не исчезаю. Буду приезжать.

— Возможно. Но дело опять сворачивает к поездкам, а я не про них.

— Тогда про что?

Я вдохнула, чтобы не ответить первой пришедшей в голову фразой.

— У тебя уже есть решение. Значит, у меня тоже должно быть своё. Я не хочу жить полгода в режиме «посмотрим, получится ли сохранить то, что уже изменилось».

Антон откинулся на спинку стула.

— То есть ты хочешь расстаться?

Именно этого вопроса я и боялась.

— Я не сказала, что хочу расстаться. Я сказала, что не хочу превращать расстояние в экзамен, который обязана сдать, чтобы доказать, что люблю тебя правильно.

Он помолчал.

— Никто не требует от тебя никакого экзамена.

— Ты говоришь «мы справимся». Как будто правильный ответ уже известен, а дальше надо только постараться.

— А что плохого в том, чтобы постараться?

— Ничего. Если оба сначала выбрали этот способ.

Он раздражённо провёл ладонью по столу и тут же посмотрел, не осталось ли мокрого следа. Я почти рассмеялась.

— Ты сейчас смеёшься?

— Ты проверил стол в середине разговора о нашем возможном расставании. Конечно, я смеюсь.

Антон посмотрел на ладонь и тоже коротко засмеялся. Напряжение на секунду исчезло. Он протянул руку через стол. Я дала ему свою. Мы сидели так, не говоря ничего. И вот это было хуже всего. Потому что рука была знакомая. Тёплая. Живая. Ничего в ней не сообщало, что отношения пора заканчивать.

Я вдруг поняла, почему люди годами остаются внутри решений, которые им не подходят. Не обязательно из слабости. Иногда потому, что плохое решение состоит из множества

хороших вечеров.

— Я не хочу потерять тебя, — сказал Антон.

Я выдержала его взгляд.

— Я тоже.

— Тогда зачем мы придумываем конец заранее?

— Я не придумываю конец.

— Ты говоришь, что не будешь ждать.

— Я говорю, что не хочу жить в ожидании.

— Это одно и то же.

— Для меня нет.

Разница, которую я весь день пыталась сформулировать, наконец стала простой.

— Ждать — это считать твою жизнь основной, а свою временной до следующего поезда. Я так не хочу.

Антон отпустил мою руку.

— Я никогда тебя об этом не просил.

— Знаю.

— Тогда почему ты решаешь, что именно так всё будет?

Вот здесь он снова был прав. Я замолчала.

Я не могла знать, как всё будет. Любая попытка описать следующие полгода была той же старой привычкой: получить несколько сигналов и как можно быстрее превратить их в готовую историю. Только теперь карт на столе не было.

— Не знаю, — сказала я. — Может, не будет.

— Тогда давай хотя бы не хоронить то, что ещё существует.

Это звучало разумно.

И я согласилась.

Не на полгода.

Не на отношения на расстоянии. Не на обещание дождаться. Я согласилась на то, что у нас действительно ещё было несколько недель до его отъезда и право не делать вид, будто решение уже принято за нас обоих. Через два дня у отъезда появилась дата. Не символическая, не «когда-нибудь в следующем месяце», а конкретный четверг, который Антон показал мне на экране телефона. До него оставалось чуть меньше трёх недель.

— Нормально? — спросил он.

Вопрос был странный.

— Для поезда?

— Для нас.

— Для нас пока ничего не нормально и не ненормально.

Это просто дата.

Он вздохнул.

— С тобой стало невозможно разговаривать.

— Зато формулировки точные.

Следующие дни действительно оказались не похожи на подготовку к расставанию. Антон помог мне встретить девушку, которая пришла смотреть комнату Леры, хотя сам потом сказал, что новая соседка ему не понравилась. Мы спорили из-за этого минут пятнадцать, пока я не напомнила, что жить с ней, если что, буду я.

Он замолчал, потом рассмеялся:

— Ладно. Заслужил.

В другой вечер мы ходили есть дешёвые хинкали возле метро, потому что я продолжала считать деньги. В субботу он притащил ко мне рулетку и зачем-то измерял свободное место у стены, будто собирался покупать туда шкаф. Я спросила, зачем человеку, который уезжает в Петербург, мой будущий шкаф.

— Потому что ты всё равно будешь жить здесь, — ответил он.

И вот эта фраза задела меня сильнее многих неправильных. В ней не было ни «мы справимся», ни «ты дождёшься». Он просто на секунду увидел мою жизнь продолжающейся отдельно от своей.

Мы всё ещё ссорились. Про то, как часто он сможет приезжать. Про то, почему он уже обсуждает жильё там, но ещё не знает, что делать с вещами здесь. Про то, почему я иногда говорю «когда ты уедешь» таким тоном, будто он совершает преступление.

Но между ссорами оставалось слишком много хорошего, чтобы превратить последние недели в красивую трагедию. Мы покупали еду, смотрели глупые ролики, он засыпал у меня с телефоном на груди, я забирала его и ставила на зарядку. Иногда я забывала про Петербург минут на сорок. Потом вспоминала и чувствовала почти физический толчок, как если бы пропустила ступеньку.

И всё это постепенно делало мой отказ от «ожидания» не легче, а труднее. Потому что я отказывалась не от плохих отношений. Я отказывалась от идеи, что хорошие отношения автоматически обязаны продолжаться в любой форме только потому, что они хорошие.

— Только одно, — сказала я.

— Что?

— Не будем заранее обещать, что всё обязательно получится.

Антон помолчал.

— А можно надеяться?

— Можно.

— Спасибо, госпожа методолог.

— Я ещё введу форму отчётности.

Он улыбнулся.

Потом мы убрали со стола, посмотрели половину фильма и уснули на диване, потому что никто не хотел первым сказать, что пора расходиться по комнатам, хотя комната была одна. Утром Антон собирался на работу, а я сидела на краю кровати в его футболке и смотрела, как он ищет второй носок.

Всё выглядело почти нормально. Только теперь у нормальности был срок. Не потому, что мы назначили дату расставания. Потому что поезд уже существовал, даже если билет ещё не был куплен. Перед уходом я увидела на полке свою зубную щётку и подумала, что заберу её потом.

Не сегодня.

Пока она всё ещё была на своём месте. Антон уехал в четверг утром. До вокзала я с ним не поехала.

Мы обсудили это накануне так долго, будто от правильного выбора провожать или не провожать зависел смысл всех полутора лет. Антон говорил, что ему будет приятно, если я приеду. Я говорила, что не хочу стоять на платформе и изображать сцену, которой мы сами пока не дали названия. Он спрашивал, что плохого в сцене. Я отвечала, что ничего, кроме того, что потом она начинает диктовать, как именно надо переживать то, что случилось.

В итоге мы договорились попрощаться у меня. Он пришёл вечером с рюкзаком и небольшим чемоданом. Чемодан стоял в прихожей, пока мы ели, и всё время попадал мне в поле зрения. За несколько недель я научилась не превращать предметы в доказательства, но этот предмет ни в каком дополнительном толковании не нуждался.

Антон действительно уезжал.

Мы почти не ссорились. Он проверил, закрывается ли окно в бывшей комнате Леры, потому что девушка, которая смотрела комнату, должна была ещё раз зайти через два дня. Я напонила, что он уже уезжает и может перестать инспектировать моё хозяйство. Он сказал, что именно поэтому должен закончить начатое. Потом зачем-то подкрутил дверцу кухонного шкафа.

— Ты понимаешь, что этим не отменишь Петербург? —

спросила я.

— Я пытаюсь хотя бы оставить после себя ровную дверцу.

— Очень мужской способ переживать неопределённость.

— А у тебя карты.

По моему лицу он сразу понял, что выбрал плохую шутку, и поднял руки.

— Забираю.

— Не забирай. Нормальная.

Колода всё это время лежала в ящике. После разговора о Петербурге я почти перестала трогать её. Мне не хотелось спрашивать, чем всё закончится. Не из принципа. Я просто уже знала, как легко ответ превращается в инструкцию, даже если никто не обещал, что он ею является.

Около полуночи Антон лёг рядом со мной и сказал:

— Я буду приезжать.

— Знаю.

— И ты можешь приезжать.

— Могу.

— Тогда почему у меня ощущение, что мы уже расстались?

Я долго молчала.

— Потому что мы всё время говорим о возможности продолжения, но ни разу не сказали, что именно продолжаем.

— Отношения.

— Какие?

— Наши, Майя. Господи.

Он раздражённо перевернулся на спину. Я не хотела мучить его формулировками. Но после последних недель мне стало страшно соглашаться на слова, внутри которых каждый держит своё содержание.

— Ты уезжаешь строить жизнь там, — сказала я. — Я остаюсь строить жизнь здесь. И мы оба надеемся, что между этими двумя жизнями что-то сохранится. Это правда. А всё остальное мы пока выдумываем.

— Можно не выдумывать, а попробовать.

— Можно.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что «попробовать» для тебя звучит как продолжить отношения. А для меня — как посмотреть, останутся ли они отношениями.

Он сел.

— Это уже просто словесная акробатика.

— Возможно.

— Ты хочешь оставить себе право в любой момент сказать, что ничего не обещала.

Вот эта фраза попала точно. Я тоже села.

— Да.

Антон смотрел на меня так, будто ожидал объяснения лучше.

— Почему?

— Потому что я не хочу обещать из страха потерять тебя.

Он опустил глаза.

После этого разговаривать стало легче и хуже одновременно. Мы не устроили красивого расставания. Не сказали друг другу правильных последних фраз. Утром он искал зарядку, ругался на молнию чемодана и два раза возвращался из прихожей: сначала за документами, потом просто потому, что не мог уйти.

На третий раз он обнял меня и сказал в волосы:

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже.

Это было правдой.

И поэтому следующая фраза далась мне тяжелее любой ссоры.

— Но давай не будем называть нас парой после того, как ты уедешь.

Он отстранился.

— Вот так просто?

— Не просто.

— Даже не попробуем?

Мне сразу захотелось взять собственные слова обратно. Сказать: хорошо, попробуем. Договоримся созваниваться, покупать билеты, считать недели. Возможно, у нас действительно получилось бы. Ничего в мире не доказывало обратного. Но я вдруг поняла, что именно поэтому должна ответить сейчас, а не после первого месяца ожидания.

— Я не хочу становиться человеком, который всё время проверяет, достаточно ли мы стараемся, — сказала я. — И

не хочу, чтобы ты жил там с ощущением, что любое хорошее событие надо сначала сверить с тем, как оно повлияет на нас. Если через какое-то время мы оба всё ещё захотим быть вместе — это будет новый разговор. Не продление старого по умолчанию.

Антон отвернулся к окну.

— Звучит ужасно рационально.

— Мне тоже не нравится.

— А если я скажу, что мне этого мало?

— Я пойму.

— И всё?

— Нет. Мне будет очень больно. Но это не дополнительный аргумент.

Он усмехнулся без радости.

— Вот за это я иногда тебя ненавижу.

— Я знаю.

— Не знаешь.

— Наверное.

Через десять минут он ушёл. Мы не хлопнули дверью. Я не сняла сразу его фотографию с холодильника. Он не забрал мою футболку из своей квартиры — она осталась там, потому что никто из нас не вспомнил о ней вовремя.

Первое сообщение он прислал из такси: «Кажется, забыл у тебя наушники». Я засмеялась и заплакала одновременно.

«Забыл», — ответила я.

«Оставь. Приеду — заберу».

Я смотрела на слово «приеду» и впервые не пыталась решить, что оно значит для нас. Оно значило только то, что Антон собирался когда-нибудь приехать и забрать наушники. Через полчаса пришло ещё одно сообщение: «Сел». Я написала: «Хорошей дороги».

Потом долго смотрела на экран, ожидая продолжения. Сердце вело себя так, будто мы заключили договор, по которому после каждого короткого сообщения обязана следовать большая фраза. «Я передумал». «Приезжай со мной». «Мы всё равно вместе». Что угодно, что вернуло бы событию форму, знакомую по фильмам и чужим рассказам.

Ничего не пришло.

Я убрала телефон в карман и впервые поняла, насколько много отношений состояло из автоматических маленьких ожиданий. Утром я знала, что Антон напишет, когда проснётся. Вечером — что спросит, добралась ли я домой. В магазине могла сфотографировать смешную банку и отправить ему без вступления. Если происходило что-то нелепое, у события почти сразу появлялся адресат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.